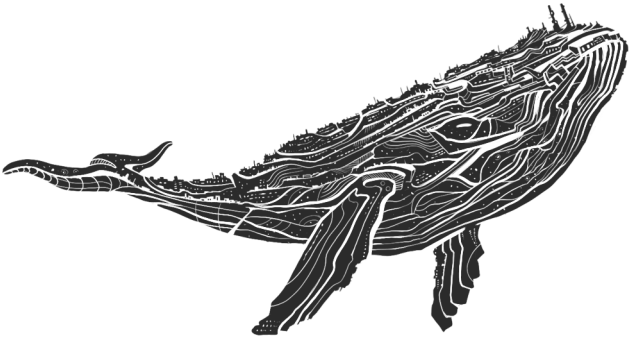
Содержание

Пролог: Юм-Кааш 7
Миропряд 12
Квадрианская рыбка 68
Лучшие рецепты Юрги 141
Глаза бога 206
Сестра Полынь 279
Подземные сказки 360
Общество защиты берестянок 426
Астерикс против Авалона 504
Эпилог: Камиль 603
Послесловие автора 605

Пролог: Юм-Кааш

Говорят, кронская соль — не просто минерал, но высохшая и окаменевшая кровь убитого Создателя.

Рассказывают про давние времена, когда иными были и космос, и люди. Не было тогда ни света, ни пустоты, ни материи — таких, какими мы их знаем. Вселенная была всем сразу, плотной многослойной тканью вероятностей и событий. Электроны не летали хаотически, а шли стройными рядами по этой ткани, образуя основу и утóк. А если иной раз и разбегались, хохоча, для своих маленьких электроньих забав — то и в этом были задумка и тайный смысл. Космические твари гуляли по тёмным лугам созвездий, где росли диковинные цветы; тень их красоты и сейчас можно разглядеть в дальних туманностях. Это был мир порядка и смысла, и одновременно — мир возможностей и хаоса, и у этого мира был Создатель.

Тогдашние люди и звери были величиной с луну, а то и с небольшую планету. И жизнь их была так же проста, упорядочена и осмысленна, как вся их тёмная Вселенная.

Создатель жил среди людей. Был он справедлив и весел. Сам любил творить и понимал, что у каждой живой твари, которая вдоволь напилась нектара, выспалась впрок и исполнила природные надобности, появляется тяга к созиданию. Потому у всякого тогдашнего человека волею Создателя непременно был инструмент, а человеком звался всякий, кто мог этот инструмент применить.

Был человек-олень с рогами такими огромными, что в наше время в таких рогах плясали бы луны и кометы. Этими рогами человек-олень умел причёсывать время и наводить порядок в пространстве.

Был мальчик с совиными глазами, который всегда имел с собой иглу и вечную нить, скрученную исключительно из электронов основы. Этот мальчик находил прорехи бытия и умел зашивать их ловким, незаметным швом.

Был человек-кот с когтями такой длины и остроты, что этими когтями он распарывал швы бытия, чтобы проникнуть на другие его слои и услышать музыку иных чудес. Но и от такого кота была польза, поскольку своими когтями он отмечал те места Вселенной, что истончились и требовали ремонта. Следом за котом всегда шёл совиный мальчик, а в иглу его была продета нить, которой можно семнадцать раз опоясать крупную планету и превратить в йо-йо.

Был сонный человек-змей, который одним точным укусом убивал дряхлые миры, освобождая во Вселенной место для новых.

Была женщина-каракатица, в тёмном зеркале которой отражалась вся правда.

Была безымянная тварь, умевшая проявить себя во всём и всё сделать собой — исподволь, неслышно и невидно, атом за атомом.

Было много ещё чудесных существ, которые звались людьми, ходили сквозь миры, охотились за звёздами и ныряли на глубину смыслов. И Вселенная расцветала от их шагов, а Создатель радовался, как хорошо всё устроил.

Говорят, все эти люди и звери собрались однажды и напали на своего Создателя. Одни уверяют, что дело было в безымянной твари, которая неслышно и невидно, незаметно, исподволь заместила собой Создателя, не оставив людям и зверям выбора. А другие отвечают, что безымянная тварь заместила собой не Создателя, а самих людей и зверей — потому что Создатель незаменим.

Все рассказчики сходятся в одном: была битва и пролилась кровь, а там, куда долетели её брызги, теперь добывают соль, без которой невозможны ни империи, ни корпорации, ни искусствен-

ный стазис, ни путешествия. А больше всего крови пролилось на Крон-систему, такую крошечную, что не всякий её заметит, такую далёкую, что света её не видно ни с одной из планет Ожерелья. Правда ли это, вымысел ли, но соль недаром зовётся кронской. Хотя, быть может, вернее было бы звать её юрганской — по имени крошечного камешка-спутника, соляных запасов которого хватит на всё Ожерелье и всю систему Квадро в придачу.

* * *

Какой-то части Юм-Кааша нравилось быть китом. Во-первых, в само́й этой форме было спокойное величие. Во-вторых, в некоторых вариациях легенды о происхождении кронской соли упоминался и человек-кит — единственный, кто не выступил против Создателя и не пролил его кровь. Юм-Каашу было приятно изредка вообразить себя тем самым китом, благородным, справедливым и честным. Память никогда его не подводила, но память была громоздким хранилищем, пыльным и запутанным. В фактах, копившихся там тысячелетиями, можно было с лёгкостью заблудиться, чем Юм-Кааш и пользовался — изредка, в минуты покоя и тщеславия, позволяя себе забыть о том, как и для чего он был спроектирован и построен, чтобы ненадолго окунуться в легенду и вообразить себя существом древним, дочеловеческим и, возможно, божественным.

Другой части Юм-Кааша нравилось быть китом по причине абсолютно противоположной: ведь кит из легенд о кронской соли был человеком, а Юм-Кааш иногда задумывался, не завидует ли он людям. Самую, быть может, чуточку. Некоторые части Юм-Кааша посмеивались, угадывая амбиции одного из своих «я», но негромко и по-доброму. Потому что все они были единым целым, пусть и раздробленным на функции, зоны и слои, но всё же «мы» в их речи звучало бы как «я» — будь у них речь в человеческом понимании.

Вот каким явился Юм-Кааш в Крон-систему: огромным, больше любого человеческого крейсера, больше некоторых спутников и многих городов, китом. Он вышел из стазис-перехода тихо и ласково, точно кот, вернувшийся к ужину через кошачью дверцу.

Так он передвигался всегда, таковы были его конструкция и привычка. Но так же неизменно здесь, в Крон-системе, всегда находились те, кто услышат, — как бы тихо он ни крался. Там, где были бессильны новейшие технологии Авалона, Заира и других гигантов Ожерелья, безотказно работало нечто иное — талант. Сидский талант — слышать и видеть то, чего не слышат и не видят другие. Талант, о котором сами сиды распространяться не спешили, быть может понимая, что два века с момента признания их людьми — срок невеликий и права на откровенную инаковость они ещё не заслужили. Довольно их нестерпимо-золотых глаз и умения обращаться с солью.

Но ни один человек и ни одно существо не утаит талант от Великого Собирателя Всего Живого во Вселенной. Так, бывало, звали себя те части Юм-Кааша, в которых не было ни человеческих, ни божественных амбиций. Что-то похожее, пусть и не таким пафосным слогом, было записано и в проектных документах имперских учёных и инженеров, которые создали Юм-Кааш — тысячи и тысячи лет назад. И пусть он давно стёр со своих стен, атомов и квантов все печати и знаки имперского происхождения — память уничтожать не смел. Память была его силой.

Казалось, за полвека его отсутствия в Крон-системе ничего не изменилось. Всё так же неспешно кружил вокруг солнца Илион — провинциальный во всём, даже в оттенках зелёного и жёлтого, которыми переливалась его поверхность. Всё так же неслись по орбите Илиона два его спутника: Юрга, а следом за ней — Волк. Всё так же завистливы были волчане, всё так же наивны юрганы — по большей части чистокровные сиды, как и полвека назад.

Было и новое. За полвека Авалон пустил в системе корни так глубоко, что только чудаки поверили бы в возможность его выкорчевать. Но Юрга держалась — последний сидский заповедник в корпоративных джунглях Ожерелья. Пусть Авалон и был лишь в шаге от её возвращения в корпоративное рабство, но этот шаг ещё только предстояло совершить. А пока Юрга билась как могла, преданная даже братом Волком, который давно сделался марионеткой Авалона.

Оказавшись в системе, Юм-Кааш привычно собрал, обобщил, просеял урожай информации от своих крошек-разведчиков. Где-то прибавил, где-то умножил, а где-то протянул нити. Одно нанизал на другое. Экономические войны его интересовали мало. Это было привычное копошение человеков, живущих на обломках древней империи и считающих себя её наследниками. Трагедия Юрги, последней сидской вольницы, как будто ничем не выделялась на фоне таких же паевых владений, которые Авалон уже распотрошил и жадно проглотил, выкупая сидскую свободу пай за паем. Таков был затянувшийся корпоративный постимпериализм. Корпорации поедали друг друга и всё, что попадётся на пути. Союзы создавались и разрушались. Маленькие миры вроде Волка и Юрги лавировали посреди хищников, но неизменно делались их добычей. В этом не было ничего ни нового, ни интересного.

Здесь было что-то другое. Что-то влекло Юм-Кааш к Крону, к Юрге — вопреки его бессознательному и даже осознанному сопротивлению, вопреки болезненной памяти о том, что случилось полвека назад, когда один неблагодарный мальчишка-сид посмел отринуть дар Юм-Кааша и покинуть его.

Его привела сюда интуиция. А интуиция никогда не обманывала Юм-Кааш, ведь она была функцией не только его собственного многослойного сознания. Она была функцией всех существ, приют которым он дал за долгие годы скитаний.

Вот почему Юм-Кааш явился в Крон-систему именно сейчас, вот почему принял сигнал торгового юрганского спутника и подтвердил готовность купить соль по юрганской цене. Вот почему выбрал низкую орбиту над Илионом — такую, чтобы отовсюду можно было разглядеть его титанический силуэт.

На Илионе невежественные пастухи вспоминали у костров древние легенды о метеоритных птицах. На Волке плакали волчанские дети и ворчали волчанские старики. На Юрге, где детей давно не осталось, сиды пили выжигу за его прибытие. Все авалонские спутники, разбросанные по системе, с подозрением следили за Юм-Каашем.

А Юм-Кааш ждал.

Миропряд

Плач берестянки

Юм-Кааш вышел из стазис-прыжка всего через несколько минут после того, как ожил древний механизм верхнего Храма и тело варанга двинулось вниз, в бездну Храма нижнего.

Туда старый Яник Банев не смотрел, а смотрел на Ленну — такую красивую и совершенную в своём горе.

А Ленна не сводила глаз с тела своего мужа, которое уплывало вниз, во тьму. Надежда — вредная тварь, хуже домовых. Цепляется коготками за человека, не позволяя ему двигаться вперёд. Ленна смотрела на своего варанга, и Яник был этому рад, потому что сам выдержать её взгляд сейчас никак не сумел бы. Точно горе наделило её особой силой, а пелена слёз придала взгляду вес, и если так, то такой вес раздавил бы Яника, расплющил, истолок в труху. Ничто не помешало бы её взгляду найти Яника, как бы он ни прятался; взгляд Ленны обнаружил бы его всюду, потому что в этом был её талант — Ленна умела находить всё, что искала.

Но сейчас она смотрела в бездну, и взгляд, казалось, тянул её вниз. Она чуть пошатывалась на самом краю колодца, и Яник зажмурился — чтобы нелепой тревогой не подтолкнуть случайно в спину. А когда, повинуясь звону прощальных колокольчиков, открыл глаза, Ленна уже отошла от края на несколько шагов,

влекомая сильными руками умницы Зафьи, дочери Яника. Ленна и Зафья стояли обнявшись, укутанные звоном, печальные и как никогда похожие. Обе схоронили мужей, но горе Зафьи давно съели волки, к тому же у неё был отец, была мать, был сын Мика и была череда любовников. А Ленна стояла совсем ещё без кожи, открытая всей тьме и всей боли. Последняя в своей жеоде.

Яник отвёл взгляд, позволил ему бесцельно блуждать. И взгляд, довольный свободой, точно Ловец в шахтах, отправился в путешествие по пещере верхнего Храма, отмечая что-то на счётах бессознательного, вычисляя последовательности и связи.

Вот слепая Куока, одновременно и великолепная, и жалкая в своём жреческом наряде, и её прихожане с колокольцами, а среди них, к немалой досаде Яника, его собственная жена. Звон летит по Храму, сплетаясь с тихой песней Куоки, и нельзя не признать: есть в этом звуке что-то утешительное, какая-то вечная правда о жизни и смерти.

В первых рядах — родные лица, сиды, такие, как он, люди соли, его жеода, тепло его сердца, фундамент его мира, семья, крепче которой нет.

Слишком мало — таким будет итог любых подсчётов. И с каждым стандартом — всё меньше. Авалон наступал слишком быстро, подчинял, уговаривал, искушал. За последние десять стандартов не было ни волка без новой сделки, каждая из которых отзывалась в нём болью: один за одним бывшие товарищи уступали паи Авалону, меняли свободу и самость на комфорт. Они могли бы оставаться здесь, но улетали почти все. Юрга стремительно пустела. Была ли в этом вина Яника? Он столько раз, как чётки, перебирал внутри себя одну и ту же цепочку мыслей и аргументов, что со временем они научились самостоятельно перебирать себя в голове Яника без его на то воли и даже вопреки ей.

Но вот нашёлся другой раздражитель: чужаки тоже были здесь. Варанги, как издавна звали их сиды. Они держались особняком, а среди них — Чеслав Нештой, высокий, темнокожий, беловолосый. С глазами синими, как небо далёкого Одерина. Невыносимо красивый особой мрачной красотой одеринцев. Длинные пальцы рук слегка подрагивают, выдают напряжение, но ничего не рассказывают о его причинах. Тревожится ли он

о своей недостойной работе или о смерти другого чужака, чьё тело летит сейчас вниз, к самому сердцу Юрги… Или о Зафье — маленькой совершенной женщине, дочери Яника, а Чеслава Нештоя — любовнице.

Яник смотрел на этого варанга, забыв и о тепле жеоды, и о смерти Гая Заппы и том, что стояло за ней, об Авалоне забыв и о старательских горестях. Он смотрел на Нештоя, как всякий отец смотрит на избранника дочери, которого никогда и ни при каких обстоятельствах не согласится признать достойным.

Рядом с ним — прямая, но не по струнке, спокойная, но не равнодушная, доброжелательная, но не заискивающая. Идеальна во всём. Юки Игниц — дочь дракона, того самого Видо Игница, который некогда владел корпорацией Митра, пережил её смерть, а теперь на пепле и костях выстроил новое детище — Авалон. Скаф — с красными и белыми полосами медицинской службы.

А ещё дальше, за спинами других варангов, невысокая и неприметная в их разномастной толпе, затерялась Дея Мунк. Свежий, только что из морозного стазиса, эмиссар Авалона. С маятника — и сразу на похороны. Мунк, какова ирония. Двести стандартов назад женщина с этим именем совершила подвиг, равных которому мало, и освободила сотни тысяч сидов во всём Ожерелье. А теперь её правнучка послушно скачет по той же Вселенной, собирая осколки былого богатства Митры для нового корпоративного бога.

Яник различал только её силуэт, но ясно, остро чувствовал соль в её сердце.

Мунк была квинтэссенцией холода и голода. Холода соли и голода большой корпорации, желавшей эту соль получить для себя.

Яник закрыл глаза и принялся мысленно выстраивать стену, которая отделила бы его от Деи Мунк. От того, что Дея Мунк символизировала, и того, что несла на уже почти опустевшую, оставленную сидами на разграбление Авалону Юргу.

В этот самый момент Юм-Кааш, моргнув стазисом, явил себя Крону.

Вся жизнь на Юрге пропитана солью, а смерть ею вскормлена. Никого не удивит сид, который за полмили чует богатый

отнорок и за полдня — соляной пожар. Кто-то ощущает вкус соли на губах, кто-то с её приближением различает невиданные цвета. Кто-то слышит мелодию её кристаллов. Кто-то — как Ленна — чувствует не соль, а людей соли. Таким был и её отец Петер. В какой бы жеоде ни случилась беда, кто бы из старателей ни пропал, заблудившись в солевых лабиринтах или спрятавшись от соляного пожара, всякого находили Петер и Ленна.

А Яника Банева всюду настигал холод горящей соли. Ещё до того, как нос улавливал аромат. Ещё до того, как глаза видели многоцветье.

До дрожи, до покалывания в мочках ушей и кончиках пальцев слышал — как в систему, сжигая запасы соли, вползает каждый челнок, каждый кораблик, каждая, пусть самая крошечная, яхта. Когда в Крон-системе появлялся очередной маятниковый лайнер, Яник в любое мгновение мог точно назвать его положение относительно Юрги и Волка — так ярок был соляной след. Когда в системе собирался из осколков вечности корабль побольше, у Яника случался озноб.

Когда прибыл Юм-Кааш, Яник Банев едва не умер.

Волчанские станции ещё процессили шёпот сигнатур, ещё только собирали из нулей и единиц образ — огромной чёрной механической твари, жёсткой и бездушной, как мёртвая Империя, чьим плевком Юм-Кааш продолжал своё нескончаемое путешествие по Вселенной. Никто ещё не понял, чем грозит или что обещает явление этого древнего бога. Но Яник уже почувствовал его и уже узнал.

Там он и упал — лишённый сознания и сил. Не помнил, как его спешно несли в Посёлок. Несли только тело, а сам Яник, укутанный солью, застрял в далёком прошлом, и его сердце вместе с его барабанными перепонками дробил невыносимо жалобный крик — плач берестянки.

Той крошечной частичке сознания Яника, что сохраняла подобие связи с реальностью, было ясно, что крик этот — игра воображения; ни одно существо не способно кричать в стазисе. Но значение имело только одно: впервые за полвека Юм-Кааш вернулся в Крон-систему — и впервые у Яника Банева появился шанс выполнить обещание, данное когда-то другу.

Легенда о Юм-Кааше

Когда он нашёл её, берестянка была совсем крошечной. Мордочка её ещё не вытянулась, чешуйки были мягкими, лапы — тощими. Да и сам Яник был щенком, десять стандартов, никак не старше.

Задние лапы берестянки были перебиты — так со своими жертвами поступают домовые. Бабка рассказывала, что запасливый домовой станет своих берестянок да иволг подкармливать, чтобы те жирели к какому-то его домовятскому празднику. А ещё она говорила, что красть у домового его жертву — дело доброе, но рискованное. Домовые злопамятны.

Берестянка была боевитой: порванное ухо, обломанные усы, нагрудная чешуя местами выдрана под корень. Ясно было, что с домовым она билась насмерть. А тот, победив, лишил её подвижности и оставил в своей норе на чёрный день. Яник нашёл её только потому, что из неглубокой домовятской норы берестянка на двух лапах выползла прямо на тропу под мостом.

Маленький Яник мести домовых не боялся. Он не был как-то особенно смел, а был скорее бестолков. Бесовской клубочек. Так звала его бабка. Звучали эти слова неодобрительно, но была в них и нежность. Вспоминая об этом, старый Яник с запоздалым озарением понял вдруг, как точно исполнилось это бабкино прозвище. Бесовской клубок обошёл полмира, оставляя позади печали и пожары, в поисках приключений и веселья — чтобы вернуться туда, откуда начал. Бесовской клубок не был зол. Он просто не слишком задумывался о своих поступках.

Маленький Яник был таким же. Он подобрал берестянку, потому что так ему захотелось. В другой день он вполне мог бы пройти мимо, а в третий — добить её кривой палкой и считать это милосердием.

Но боги Крона бросили кости иначе, и Яник отнёс берестянку Камилю. Уже тогда Камиль был ответом на все вопросы, особенно — у детей. И это тоже урок, понял сейчас, вспоминая это, Яник старый. Если никуда не спешишь — бейся за детские сердца. Дети вырастут и отплатят тебе верностью. Авалон поступает так же, нехитрая правда.

Камиль выдал Янику наставления, аптечку и недоверие. Недоверие было тяжёлым, и его Янику хотелось забирать меньше всего. Это не игрушка, сказал Камиль. Это живое существо, и оно к тебе привяжется. А потом ты его бросишь.

Яник назвал берестянку Кайсой, и она сразу стала откликаться на это имя. Он носил её на руках, баюкал по ночам, когда берестянка, не просыпаясь, выла от ужаса, догоняющего её во сне. Он кормил её детёнышами рогачей. Камиль напечатал ему губную гармонику — простенький инструмент, звуки которого утешали и успокаивали берестянку, и Яник играл ей по ночам, сначала нестройно и смешно, но со временем всё более музыкально, так что даже бабка приходила под дверь слушать.

Две недели Яник ходил по локоть в порезах от берестянских когтей. Кайса в клочья изодрала два его подскафника. Она нагадила в бабкиной комнате, за что огрёб, разумеется, Яник.

Однажды берестянка просто сбежала. Кости её срослись, но двигаться так быстро, как назначила природа, она больше не могла. И всё же Кайса сбежала, разбив напоследок маленького гипсового домового, который стоял перед домом семьи Яника с самой революции.

Удивляясь сам себе, Яник проплакал всю ночь. А наутро берестянка вернулась, притащив ему двух придушенных рогачей и обломок сладкого иволжиного янтаря.

С тех самых пор никто на Юрге не видел их порознь. Берестянка восседала у него на плече, когда Яник шёл в Храм на утреннюю молитву.

С берестянкой он шёл в шахту. С берестянкой вытаскивал пьяного отчима из «Волчьего сна». С берестянкой делил свой ужин. С берестянкой покинул Юргу — потому что однажды они вместе увидели Юм-Кааш.

* * *

Прошло всего полвека после революции, но дядька Банев, заставший дореволюционные времена, казался настоящим реликтом, ведь он лично знал Кьяру Мунк. Он дважды бывал на Юм-Кааше с сидским торгом и потому считался по нему специалистом. Когда дядька взял с собой Яника в надежде передать

мастерство торговли с Юм-Каашем, Яник понял, что нет никакого мастерства и нет никакой торговли. Увидев Юм-Кааш впервые, он уверился, что и Юм-Кааша-то нет — такого, каким воображали его волчанские и сидские старики, которые ещё с дореволюционных времён привыкли прятать от него детей. А есть огромный, всеми забытый, абсолютно ничейный сундук с сокровищами. Три ночи Яник почти не спал. Стоило заснуть — и ему виделось, что Юм-Кааш вот-вот покинет Кронсистему и вместе с ним улетят все надежды Яника на особую и вольную судьбу.

Отчего-то так всё устроено в голове, что одинаковый, по сути, поступок сложнее применить к человеку близкому, чем к чужаку. Быть может, дело в том, что доверие близкого делает выполнение задуманного элементарным, а обокрасть чужака, варанга, задача сложная — и, значит, подвиг. Всё это Яник обдумывал потом, а катер варанга — малыша-кузнечика, межпланетный ял, — он просто взял, потому что мог. И тут бабка разглядела бы поступок бесовского клубочка. Кузнечик, никак не сравнимый с грузной, неповоротливой овцой, был пришвартован не на митрианской посадочной площадке, а на заброшенной заправке, у самого края кратера, и только потому Янику удалось его украсть.

И вот он прибыл на Юм-Кааш — пятнадцатилетний глупый юрганский заморыш. Конечно, с ним была и берестянка.

Ты думаешь: это чудо чудесное давно забыло своих хозяев. Всего-то и нужно — исследовать его получше, приложить всю свою смекалку. Ты считаешь себя умным, умником, умнее многих. Остальные — или не догадались, или струсили. Удача любит смелых.

Много позже Яник понял, что чужак, чей катер он украл, был, должно быть, с Юм-Кааша, больше и неоткуда. Кузнечик сам ловко влетел на посадочную палубу, пришвартовался и замер, вписавшись в обстановку как родной. Это всё Яник обдумал гораздо позже.

А сначала они с берестянкой доверились атмосфере Юм-Кааша, обомлели от его величия и ужаса, бродили по нему до боли в мышцах — потому что невозможно перестать любоваться

этой сокровищницей: от крошечных каллаби-мух до гигантских скатов и драконов — не живых, но и не мёртвых, от миниатюрных коралловых колоний до целых городов, замерших в стазисе. А Юм-Кааш всё это без стеснения им демонстрировал. Юм-Кааш всегда понимал, как и что показывать новому гостю. Для Яника он хлебными крошками из своих механических тварей вымостил дорогу к жилой палубе, где нашлись и роскошные каюты, в которых когда-то жили, наверное, имперские учёные, и кухня с древним, имперским ещё принтером, в котором Яник обнаружил бесконечную же коллекцию доселе неизвестных ему рецептов. Детство Яника не было голодным, но и сытым его никак назвать нельзя было. Мать и отчим обходились концентратом; рогачиных пиров и разносолов не водилось. На Юм-Кааше Яник оказался в раю.

* * *

Ты поймёшь, когда Юм-Кааш с тобой заговорит. Не голосом из динамиков, не буквами на мониторах, не прикосновениями и обстоятельствами. Юм-Кааш заговорит с тобой изнутри. Однажды ты просто поймёшь. Что́ поймёшь — это уже зависит от него.

* * *

Несколько дней Яник потратил на поиски людей. Кого-то, кого угодно, кто оспорил бы у него право владеть Юм-Каашем. Это было непросто, учитывая на редкость необычное устройство корабля.

Люди здесь были. Заключённые в коконы стазис-саркофагов, они смотрели на Яника из далёкого прошлого и из совсем недавних времён. Отчего-то Яник не переживал, что и сам когда-нибудь окажется в таком саркофаге. Известно было (хотя Яник не сказал бы откуда), что Юм-Кааш берёт в свою коллекцию только по одному специфическому существу. Одному представителю вида. Изредка — уникальные, особые экземпляры — для кунсткамеры.

Иллюзий насчёт собственной уникальности у Яника не было, а сид обыкновенный в коллекции Юм-Кааша уже был. Яник нашёл его на пятый или шестой день путешествия по музею.

К этому моменту вирус Юм-Кааша уже был внутри. Яника накрыло жаром. Тошнота поднялась от желудка и захватила власть над головой; руки и ноги то и дело сводило судорогами, будто кто-то без устали вгонял в них миллионы невидимых иголок. Глаза наполнялись слезами, а рот, наоборот, пересох. В последние часы перед потерей сознания Яник безудержно блевал.

Крошечные механические существа, похожие и непохожие на юрганских тушканов, всех форм, размеров и расцветок — ведь Юм-Кааш и создан был когда-то, чтобы воспевать разнообразие жизни, — без устали убирали, чистили, клеили, ломали, подталкивали, заботились. Приносили ему еду и питьё. Угасающим уже сознанием он видел, как Кайса, на которую вирус, очевидно, не подействовал, пытается защищать его от этой лицемерной заботы. Она расшвыривала уродцев, но они упорно возвращались, и с каждым разом их было всё больше.

Дальше были сны, жаркие, наполненные видениями, какие только и умел тогда продуцировать не слишком-то много повидавший разум Яника. Во сне был отчим, загибающийся от выжиги, была мать — женщина несчастная и печальная, а для Яника — беспощадная. Во сне было много криков и обид, и слёзы жгли глаза, а рыдания разрывали грудь. Во сне куда-то убегала от него Кайса, и Яник никак не мог догнать её в бесконечных тоннелях Юрги. А потом его окружали домовые, и Яник знал, что они сломают ему ноги и это будет только начало.

* * *

Но однажды ты просыпаешься и понимаешь: Юм-Кааш — твой бог. А ты — его вечный раб.

К этому моменту алфавит Юм-Кааша, правила его языка, его глаголы и причастия, вся его лексика и орфография уже находятся внутри тебя. Они обжились, обустроились, размножились до кворума и заглядывают в твои мысли и душу не снаружи — изнутри.

Твой лучший друг заперт в стазисе, а тебе всё равно, потому что твой новый бог говорит тебе: послужишь мне верой и правдой — и все твои мечты исполнятся.